

БЕШЕНОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ

ОКСАНА ОБУХОВА

Оксана Обухова

Бешеное развлечение

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Обухова О.

Бешеное развлечение / О. Обухова — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-001173-0

Жизнь развела двух лучших подруг, но повела их параллельным курсом — одна стала дорогой изнеженной содержанкой, второй доводилось и в копеечном борделе «потрудиться»... Когда судьба свела подружек снова, то бывшим закадычным, чтобы выжить, приходится делать непростой выбор: спастись поодиночке, снова разбежаться или попробовать сражаться вместе, заодно? Томная брюнетка и пышногрудая блондинка, первая неплохо образована и хитроумна, другую жизнь закалила до небывалой прочности; для выживания они используют одинаковые методы — без сантиментов и оглядок, жестко. А потому, на первый взгляд, им проще было бы объединиться, но вот не факт...

ISBN 978-0-88-001173-0

© Обухова О.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Оксана Обухова

Бешеное развлечение

Дмитрий Анатольевич спешил к вечерней электричке за драгоценной тещей Ираидой Кузьминичной. Мать жены ждать не любила, заставь её торчать на полустанке хоть лишнюю минуту, потом всю плешь продолбит. Кукушка старая.

Анатольевич нажал на педаль газа. На пустынной длинной дороге старого подмосковного посёлка было где разогнаться.

Из-за шеренги тополей, разросшихся вдоль трассы, под колеса набравшего приличную скорость «Рено» внезапно выскочила женщина. В развевающемся шёлковом халате, босая, она, петляя, понеслась по улице! Причём петляла девка странно, будто нарочно собираясь заморочить шофёра и наверняка угодить под колеса.

Едва не раздавив ненормальную бабу, Анатольевич успел затормозить. Раскрыл дверцу и выскочил наружу, собираясь крепко выразиться...

Но тут девица развернулась. Полы дорогого пеньюара совершенно разошлись, и Дмитрий Анатольевич увидел, что под халатиком – кроме непосредственно девицы – ничего не было. Полуголая бабёнка (довольно красивая, надо отметить) бросилась к шофёру и запричитала:

– Помогите, помогите! Увезите меня отсюда! Скорее!!

За её мольбами тот умудрился расслышать несущиеся с какого-то из дворов многоголосые мужские вопли. «Похоже, влипла девка», – мгновенно догадался Анатольевич. Приехала в гости (или на вызов), а там – толпа, бардак и полный попадос.

«Жалко труженицу», – разглядывая вусмерть перепуганную девицу с трясущимися фиолетовыми губами, подумал зять Ираиды Кузьминичны. Кивнул и разрешил беглянке сесть в машину.

А дальше, крайне своевременно, покинул улицу.

О том, что он вовремя умчался от многочисленных проблем, Дмитрий Анатольевич узнал уже гораздо позже. Но пока же его занимала лишь мысль о вредоносной тещеньке: что скажет мать жены, когда зятёк подрулит к полустанку с голой бабой на заднем сиденье транспорта?!

«Засада, блин. Но не бросать же девку, в самом деле!»

Бог смилостивился над самаритянином. Вредная Ираида позвонила, когда транспорт был уже подан к ступенькам железнодорожной платформы, и сообщила, что осталась ночевать у какой-то старой курицы. В связи с чем Дмитрий Анатольевич согласился отвезти девицу к её дому. Где она с ним и расплатилась, сбежав за деньгами.

Утром, на следующий день, обдавая любимый транспорт пенным душем, Дмитрий Анатольевич обнаружил на отполированной «заднице» автомобиля две небольшие пулевые дырочки. Едва не обмочился (водой из шланга), струхнул, представив, что возьми стрелок чуть-чуть повыше... и – привет родителям! – пули бы пробили бензобак.

Дмитрий Анатольевич утер холодный пот, не сходя с места, зарёкся быть самаритянином и прислушался к совету мудрого внутреннего голоса: «Иди к ментам, Димон».

Подмосковный дачный посёлок уже и так гудел, обсуждая событие: в доме на соседней улице убили мужика. Девица, судя по всему, сбежала именно оттуда.

Часть первая

Спустя несколько недель

Прополка грядок с корнеплодами – нелогичное занятие для шикарной женщины.

Проблемное. Вначале у Нинель подло и скрытно под резиновой перчаткой треснул накладной ноготь. Трещинка оказалась незаметной, но вполне достаточной, чтобы зацепить нейлон на последней паре чулок и оставить там затяжку.

В результате, обматерив сквозь зубы нейлон, огород и ноготь, Нинель подошла к трюмо, оглядела длинные ноги, упакованные в предельно прозрачные черные чулки, и, нахмутив выщипанные брови, выразилась уже более конкретно о жизни вообще: в зеркале отразились ноги (кормилицы по сути), взгляд Нинель невольно зафиксировался на паре целлюлитных ямочек, проявившихся на нависших валиках бёдер... Настроение испортилось категорически!

– Вся жизнь – дерьмо, – дала диагноз действительности бывшая столичная этуаль.

Поправила резинки на ажурном поясе. И вскользь порадовалась: «А пальцы-то не забыли! Помнят службу». Даже в отсутствие зрителей руки действовали плавно, томно, эротично. Рефлекторно.

Нинель заставила себя забыть о подлой трещинке на ногте, привычным жестом взбила пышную гриву из обесцвеченных волос, немного выпятила и раздула губы... похлопала ресницами над голубыми глазищами. Полюбовалась, придавая глазам выражение невинной детки...

И высказалась:

– Хороша зараза. Живу в навозе... но хороша, черт побери!

Подлость жизни снова проявилась в невольном мысленном рефрене: «Пока хороша, Нинка. ПОКА».

Тридцать четыре – уже не сахар. А подмокший (целлюлитный) рафинад. Густой сироп на сухофрукте. Причём сироп тот даже не медовый...

От подобных мыслей голубые глаза Нинель потускнели, взгляд потух. Уголки пухлых губ потянулись вниз и потащили за собой носогубные складки... Напоминание «пока» начинало всё чаще звучать в голове бывшей московской «девочки»...

«Затикал метроном, моя хорошая. Затикал».

«Стоп! – сказала себе Нина Ивашова. – Солдат идёт в последний бой! Нехрен, детка, сопли разводить!»

Нинель резко сорвала с вешалки длинное шёлковое платье, одним движением набросила его на тело, обвязалась пояском!... Поглядела на отражение в зеркале...

Тигрица. Из трюмо на Нинель смотрела прежняя столичная штучка. Хищница.

– Вот так-то лучше, – хмыкнула «девочка на пенсии». – Держи хвост пистолетом!

«Тигрица» повертелась перед зеркалом. Огладила лёгкий шёлк на округлых бёдрах, придала платью более откровенный вырез на груди...

О платье стоит сказать отдельно. Оно спадало с плеч, лишь стоило мужчине легонько дёрнуть за кончик пояска. Соскальзывало на пол как бы само собой. Использовалось для мужского типажа «нерешительный скромник». Подталкивало, так сказать. И, кроме прочего, имело несомненное достоинство: выглядело как о б ы ч н ы й домашний наряд ухоженной, следящей за собой женщины.

Во всяком случае, так думала хозяйка платья.

Оставаясь перед зеркалом, Нинель прислушалась: из гостиной, которую мама Зина по деревенскому обыкновению претенциозно величала «залой», доносился звук работающего телевизора. То есть матушка была при деле. С головой ушла в душещипательный ежевечерний сериал о потерянной любви и пропавших (как вариант: украденных, забытых на вокзале, потерявшихся, похищенных) детях, неожиданно обретших настоящих родственников.

– Порядок, – пробормотала Нинель и подошла к окну спальни, откуда открывался вид на огород, забор в смородиновых кустах, соседские угодья, виднеющиеся через сетку-рабицу.

Стоя у окна, Нинель пару секунд размышляла над серьёзной проблемой: «Стоит сбрызнуться духами или это уже слишком?»

Вредный внутренний голос тут же внёс ремарку: «А чулки с подвязками под «халатиком» по-твоему «не слишком»?»

– Ну так это будет видно после... – пробормотала этуаль.

– Если дойдёт до дела...

Секундные размышления и внутренний спор подвели к компромиссу: Нинель быстро нанесла на руки французский крем с умопомрачительным стойким запахом, представила, как вспорхнувшие на мужские плечи руки обволокут потенциального любовника Константина Павловича парижским ароматом... И осталась довольна. Ей бы только до ДЕЛА добраться, а уж там ни один Костик равнодушным не останется!

А в связи с тем – совсем порядок.

Нинель на цыпочках вышла из спальни. За спиной матери проскользнула до сеней, где надела на облачённые в нейлон ноги резиновые шлёпанцы, и, держа туфли на шпильках под мышкой, спустилась с крыльца.

Идти через улицу, на виду деревни, при боевой раскраске, шпильках и «халате» Нинель всё же не решилась. Ещё ведь не известно, чем и как закончится свидание с Константином Павловичем. (Опытная «девушка» не зря экипировалась под нерешительного мужика – Павлович таким и был: могуче разбогатевший ботан с претензией на вызывающую шок девственность.) Если по деревне слухи побегут: «К Палычу Нинка вечерами шастает!», роман может прихлопнуться, даже толком не начавшись. Нинель прекрасно знала, как трепетно относятся иные богатеи к огласке личных шалостей. Тут лучше перебдеть, чем поторопиться. Иначе – кисло выйдет.

Подгоняемая расчётливыми мыслями, Нинель прошла по залитой недавним дождём тропинке до калитки, что разделяла два участка. Попутно цыкнула на цепного кобеля:

– Тихо, Шарик! Попробуй только гавкнуть, тварь!

Пёс разинул громадную пасть в ленивом и презрительном зевке. Но просьбу таки выполнил. Молча наблюдал за тем, как хозяйская дочка проходит на чужую территорию и там, на чистой плиточной дорожке, переобувается в туфли.

Нинель припрятала шлёпанцы под кустом отцветшего георгина. Распрямилась. И твёрдо поглядела на окна недавно выстроенного каменного дома под зелёной черепичной крышей.

Константин Павлович Субботин появился в деревеньке Кумушкине года четыре назад.

Вначале здесь бывал наездами, по выходным. Потом – прирос. К красотам, тишине и воздуху. Пропал в просторах, затерялся разумом между двух рек – полноводной транспортной и никчемной заболоченной Петляйкой.

Через год в просторной заводи, именуемой местными «Каткин омут», появился отличный пирс, у которого и швартовался немаленьких размеров катер нувориша.

Ещё через полгода Нинель позвонила матушка, и начало всей истории можно брать от восклицаний Зинаиды Яковлевны:

– Ох, Нинка! У нас здесь такое творится!..

Дочь Нина, давно привыкшая к гламурному имени «Нинель», тогда, помнится, поморщилась: «И чего у них там твориться-то может? Куры, что ли, передохли? Или улетели зимовать?...»

Но оказалось – происходит.

Тот самый сосед, с коим Нинель так и не случилось встретиться (хоть он и поселился через забор от Ивашовых), начал массово скупать землю у колхозников и полуразорившихся фермеров-неудачников.

Платил – по-божески. Дела вёл без нахрапа, с уговорами и разъяснениями. Душевно подружился с председателем сельсовета Мухиным Сергеем Дмитриевичем. Пообещал главе народ трудоустроить и отлучить от пьянства. Но основное: мост через Петляйку поклялся выстроить. Не починить аль подлатать, а именно, конкретно – выстроить. Новый мост. Бетонный.

А за бетонный мост председатель Мухин был готов не только земли уступить, но и сам пойти батрачить либо мостовую сваю заменить! Держать мост на плечах, что тот атлант! Жену Татьяну и двух дочерей назначить местными кариатидами!

Поскольку перманентное отсутствие моста, регулярно сносимого бурными половодьями никчемной Петляйки, подвело деревню к состоянию плачевного замешательства. Захирело Кумушкино без дееспособной транспортной доступности, пришло село в упадок.

Мост начали строить этой весной. К началу сентября пообещали сдать не только мост, но и отличную дорогу. На землях бывшего колхоза Субботин собирался выстроить элитный загородный клуб с площадками для гольфа, конно- спортивной школой и прочими деликатесными кандибоберами.

Тем более что Катькин омут оказался какой-то крайне удобной природной «мариной». Швартовкой для яхтсменов, проще говоря.

Но, впрочем, если уж пришлось упомянуть первозданную малообразованность селян, то не лишним будет добавить: к нынешнему лету с языков кумушкинских аборигенов уже легко спархивали словечки вроде «ти-бокс», «фервей» и «грин».

Поскольку обещание народ трудоустроить Субботин начал выполнять и добрая половина деревенских мужиков успела заработать на обустройстве гольф-поля под руководством важного голландского проектировщика этих самых полей. (Газон растили загодя. Облагораживали ежедневно.)

Короче – раздышалась деревенька. Пошли движуха и вливания. По слухам, председатель Мухин держал фотографию Константина Павловича рядом с иконой Николая Угодника и молился им обоим равнозначно. Истово.

Но это – сплетни, пересуды. А неприятностей у господина из Москвы и без пустых навесов предостаточно случилось.

Во-первых, взбунтовались рыбаки. Строительство Марины распугало рыбу, изничтожило или, в лучшем случае, изгадило обильнейшие камыши. Коряги, так любимые сомами, со дна все повытаскивали. Да и конкуренты, судя по всему, предполагали появиться большим числом... С новомодными электронными приманками и навороченными спиннингами.

Куда против них селянину с опарышем и удочкой времён совдепа?!

После рыбаков в пятую колонну объединились фермеры.

Дотумкав, что продешевили, пустились интриговать и рассылать петиции в инстанции. Пару раз мазали ворота Палыча дерьмом и дёгтем.

Но Павлович отмылся. И повёл себя уже неделикатно.

К фермерам-бунтарям приехали конкретные ребята на однозначных джипах и объяснили деревенским интриганам:

«Хотите по-плохому, раз по-доброму не получилось?... Обеспечим! Останетесь довольны, сиволапы!»

В общем после того, как типичнейший высоколобый интеллигент Субботин показал, что и у него есть оборотная сторона, народ значительно утихомирился. Фермеров приспособили к делу обустройства территорий, для рыбаков сочинили показательные соревнования, где те лихо утёрли нос богатеям с навороченными удочками. Призы в виде лодок и спиннингов раздали. Напоили, разумеется...

Прижился в Кумушкине господин Субботин. Со всем почётом-уважением.

Поскольку – умный. Щедрый. И беззлобный.

– Эх, Нинка, мне б такого зятя! – многозначительно намекала мама Зина дочке в телефонных разговорах. – Золото, а не мужик! Сосед, немаловажно. Завсегда под боком. – Вздыхала: – Возвращайся, а? Чего мытариться-то в столице? Где родился, там и пригодился, Нина...

Рациональное зерно в намёках матушки имелось. Сосед, богатый, холостой, ежели верить описаниям мамули, – лёгкая добыча, ботан в очёчках.

Нет, безусловно, Нина понимала, что мама ни черта не разбирается в современных реалиях и очкариках! Такие вот «ботаники» заказывают «девочек» в высоких сапогах и с плётками...

Но всё же стартанула в Кумушкино. Зимой. И две недели куковала перед соседней резиденцией в сугробах, пока «добыча» загорала где-то на Мальдивах, Бали или в Кении слонов валила.

Досада. Холод. Злость. От козьего загона гнусно пахнет.

Одно приятно – мухи передохли.

Озверев от ничегонеделанья, мадемуазель Ивашова, яростная как мартовская кошка, вернулась в Первопрестольную. Прямиком в объятия изнервничавшегося сутенёра Маратика, которому несколько постоянных клиентов блудной Нинель оборвали телефоны.

На радостях маленько «дунув», Маратик предложил:

– Нинель, есть беспроектный вариант. Пару лет ещё работаем, потом открываем салон на паях. Мне один кент обещал тайских девок подогнать... массаж, спа, релакс... Раскрутимся, Нинок!

Нинель, на тех же радостях, ответила согласием.

Через год Марат забыл о тайках и обещании. Постоянные клиенты Нины находили свежих «девочек». Догадка «я выхожу в тираж» лишилась вопросительного знака. Будучи неглупой женщиной, Нинель прекрасно понимала: ещё год, другой, и она отправится из приличного борделя на улицу. К трассе, на шоссе, вылавливать дальнобойщиков с пропотевшими вонючими задницами.

Профессия своих з а т я г и в а е т. Иных не отпускает до могилы, куда укладывают гроб со спившейся, почти беззубой и безволосой уродливой старухой.

Б-р-р!!

Нинель вернулась в Кумушкино. И, вероятно, насовсем.

Относительно Константина Павловича пенсионерка эротического фронта сокрушительных батальных планов не выстраивала. Надеждами не тешилась, решила: «Выгорит так выгорит. Но п о д р у ж и т ь с я – стоит». Поскольку даже в самом элитном и закрытом загородном клубе спрос на «девочек» имеется. Тут главное подсуетиться вовремя, деланку застолбить, а там и видно будет – где Маратка, а где Нинель Александровна. Кто контрабандных таек отментов отмазывает, а кто знакомит богатеев с первосортными и чистенькими девочками.

Мечты, мечты... Но как поставить дело, потенциальная «мамка» знала распрекрасно.

Но пока... Пока не собиралась обеспечивать низкосортными девицами бригады строителей моста, дороги и нулевого цикла под отель.

Могла бы. Заработать. Но не хотела загодя высвечиваться.

Поскольку резвость хороша для ловли блох, а вот большие деньги требуют неторопливости, подспудности, хорошей подготовки.

А ко всему прочему Нинель ещё не поняла: удастся ли ей по-взрослому зацепить соседа?

На пригожую, совсем не деревенскую особу Субботин поглядывал благожелательно. Смутился явно, если доводилось разговаривать.

Смущение Нинель, правда, частично списывала на проблемы с речью: приходя в волнение, Константин Павлович начинал заметно заикаться.

Но всё же, всё же... Смущение – приятный факт.

Многозначительный. Особенно если придать ему развитие... И посему, зная, как нежно-трепетно мужское эго, Нинель избавила Палыча от разговорного общения и завязала с ним шутовское телефонно-интернетное общение. Писала чётко выверенные миленькие эсэмэски, отправляла по и-мейлу пожелания доброго утра... Очаровательно дурачилась (как сама считала).

И Палыч отвечал. Не всегда и не сразу, но постепенно связь налаживалась, налаживалась... Заикающийся скромник всё больше раскрепощался...

Сегодня пригласил зайти. На чашку чая. Эсэмэской: «...Если вы не очень заняты, Нинель, то, может быть, зайдёте в гости по-соседски? Я только что заварил божественно ароматный чай...»

Смешной вопрос!

Нинель немного задержали лишь треснувший ноготь и нейлон!

А в остальном – всегда готова и к услугам!

Зря, что ли, сегодня всё утро задницей кверху в огороде проторчала?! В купальнике и широкополой шляпке изображала трудолюбие!

(Идею относительно показательного трудолюбия, надо сказать, подбросила мама Зина: «Нин, а может, Костя белоручек не любит, а?... Чего ты день-деньской в доме-то прохлаждаешься?... Выйди, покажи себя во всей красе!»)

Дочка вышла. Показала.

И непонятно что сработало. То ли очковтирательство в виде исключительной работоспособности (как признак хорошего здоровья и твёрдых моральных устоев), то ли купальник был выбран грамотно. В меру скромный, в меру соблазнительный... Поднятая к небу круглая попка полтора часа торчала напротив окон кабинета и гостиной.

Спина, правда, немного обгорела и зудит... Но это – пустяки!

Нинель Александровна расправила плечи, слегка ноющие от непривычного деревенского труда. Придала белокурой голове горделивую посадку независимой, знающей себе цену женщины.

Пошла на приступ, цокая по плиткам каблучками. Умело, не вульгарно, покачивая бёдрами. Надеюсь, что шторка дрогнет на окне.

***

Внутреннее обустройство жилища Палыча Нинель знала хорошо. Ещё при строительстве дома Субботин договорился с соседкой тётей Зиной, что та станет помогать ему по хозяйству. И мало того, прислушался к мудрому совету пожилой селянки, когда однажды, поглядывая на возводимый перед домом кирпичный забор, тётушка вздохнула:

– Ты бы, Константин Павлович, это... от деревни шибко-то не отгораживался. Не любят у нас этого. Зазнайкой посчитают, болтать начнут о том, что за забором спрятано... Такого

напридумывают, чего и в помине нет! Деревня это, Павлович, её понимать надо... Нос не задирать без нужды.

Субботин проявил гибкость. Внял совету, кирпич, что пред- назначался на окончательное кольцевание участка, отдал на нужды сельсовета. Преграда между огородом Ивашовых и лужайками Субботина так и осталась сетчатой, прозрачной. (В связи с чем, надо сказать, к тётке Зине зачастили гости. Но Зинаида Яковлевна к любопытству односельчан отнеслась с пониманием, пару раз, испросив разрешения у Палыча, устраивала массовые экскурсии по дому с незаконченной внутренней отделкой, а позже позволяла через рабицу полюбоваться клумбами.)

Нинель бывала в соседском доме часто. Пока мать бегала по нему с пылесосом и шваброй, тайком исследовала холодильник, листала всевозможные журнальчики (по большей части деловые, специфические, на разных языках). Завидовала и мечтала. Иметь такой же дом или войти сюда хозяйкой...

Сегодня Нинель впервые шла сюда не дочерью прислуги, тайно, а в гости. Возможно даже, на любовное свидание.

Постукивая каблучками, мадемуазель резво проскакала по крыльцу, вошла в прихожую через открытую настежь дверь.

– Ау-у, – промурлыкала, – Константин Павлович?... Вы где?

Голос гулко прокатился под высоким потолком, но отклика не вызвал.

Усмехнувшись, Нинель погляделась в высокое зеркало холла, нашла своё отражение вполне товарным и храбро двинулась в гостиную, где имелся выход в кабинет. Субботин практически не использовал второй этаж, не бегал по собственному дому через ступеньки: ел, спал, работал в одной плоскости. Нинель решила, что хозяин дома, вероятно, засиделся за компьютером или бумагами, увлёкся и забыл о визите (очаровательной) соседки.

То, что Нинель увидела в гостиной, согрело душу и порадовало глаз. На низком столике перед большим кожаным диваном стояли ведёрко с шампанским, ваза с фруктами.

Тарелок и бокалов, впрочем, не было, но не исключено, хозяин намекал, что гостя может похозяйничать сама?

Нинель подумала: «Сходить на кухню за фужерами?... Или пускай мужчина сам старается?... Как быть? – заклинило рассудочную путану. – Идти, не идти, сесть на диван и принять позу?... А может, лучше Белоснежкой притвориться?!»

Положа руку на сердце, Субботина мадемуазель ещё совсем не раскусила. Не понимала! Считая себя женщиной, способной просветить мужчину насквозь и вызвать подноготную, с соседом Ивашова обломила. Тот выпадал из всех разрядов, на взгляд Нинель – лукавил! Поскольку несметные богатства плохо уживаются с порядочностью.

Начиная несколько нервничать, не зная, как себя вести, бывшая ударница борделя неожиданно растерялась. Замерла столбом у столика с шампанским, покусывая нижнюю губу, нахмурилась. Сценарий (предположительно) свидания разваливался напрочь!

– Константин Павлович, вы где?! – Нинель капризно притопнула ножкой. – Ау! Я уже здесь.

Молчание.

Ивашова с распрямлённой по-учительски спиной прошагала до двери в кабинет. Постучала. Нажала на ручку и заглянула в комнату.

Там тоже было пусто. Несколько книжных шкафов трудами мамы Зины сверкали чистыми стёклами, на письменном столе – тоже образцовый порядок. Офисное кресло расположилось чётко у середины столешницы.

Шторы раздёрнуты в точности так, как и этим утром, когда Нинель, половшая морковку, заметила мелькнувшее в окне лицо соседа.

«Может быть, он в гараже?» – уже совсем растерянно подумала гостя.

А что ему там делать? Тосол менять, машину починять?!

«Но если колесо спустилось? Его-то богатей и сам подкачать в состоянии».

Пожалуй, не исключено. Поскольку лишь из гаража, имеющего выход прямо в дом, голос гостя можно не слышать.

Но прежде чем пройти до холла, Нинель заглянула на кухню, мельком поинтересовалась спальней. Удивилась, что огромная кровать всклокочена, одеяло под толстым покрывалом собрано буртом...

Но, впрочем, сегодня Костя маму не вызывал, постель он, вероятно, не заправил как следует, а лишь набросил покрывало поверху.

Нинель перешагнула порог спальни, решила навести порядок... Но не успела. Из холла-прихожей раздался низкий бархатный голос Алки Дубовой:

– Константин Павлович, вы дома? Дверь открыта...

Ивашова замерла, окостенела на пороге спальни.

О том, что здесь понадобилось злейшей подружке, долго Нина не раздумывала.

«Ту же «тему» разрабатывать пришла! – мгновенно проскочила яростная мысль. – Ах сука шёлковая... на чужой кусок нацелилась!» Почему Нинель априори посчитала Костика своим, себя не спрашивала. Вероятно, решила так по принципу: кто первый вошёл, за тем и право!

...Много лет назад Ниночка и Аллочка были лучшими подругами. Алла не жила в деревне, но каждое лето приезжала сюда из Питера к троюродной бабушке. Бывала на каникулах, остальное время девчонки регулярно переписывались и перезванивались. Шестнадцать лет назад они вместе поступали в московский вуз и обе провалились. Нинель – ожидаемо, Аллочка не добрала одного балла... Всё так же дружно девушки решили остаться в столице. Алла не хотела возвращаться домой, где её ждали сварливая мачеха и деспотичный отец. Нине же до почечной колики обрыдло существование в заштатной деревеньке!

В эскорт девчонки скатились так же дружно.

Но Алла умудрилась немного выправиться, попала в дорогие содержанки. Её ж товарку с макушкой затянуло в тягостную (развесёлую) кручину-жизнь.

И большой обиды в этом не было б – сама Нинель дорожку выбрала, – если б перед расставанием Дубова не увела у Ивашовой мужика! БАНКИРА!!!

Причём такого щедрого, что останься с ним Нинель, бордель ей стал бы уже без надобности! Алка провела на содержании у «кошелька» почти шесть лет, успела хатой и машиной обеспечить. Постельный номер отработывала пару раз в неделю, а не пахала в «бардаке» как проклятая!

СУУУКА!!!

При малейшем упоминании давней истории – да даже при звуке голоса подружки подколодной! – у Ивашовой сводило скулы от ненависти. И сердце в горле начинало kloкотать.

«На этот раз не уступлю! – раздула ноздри Нина. – Ботана не отдам, он – МОЙ!!!»

В том, что подколодная зараза приехала в село почти месяц назад и осталась в доме покойной бабки, рассчитывая отхватить КУСОК, Нинель уже не сомневалась.

Алла посмотрелась в огромное зеркало. Привычным движением указательного пальца подправила над бровями спадающую на лоб длинную смоляную чёлку, одну блестящую прядь волос через плечо пустила.

Прядь легла на грудь лоснящейся змеей... Готовой укусить неосторожного мужчину в сердце...

Приятнейшее зрелище. Дорогуший сарафан из льна ладно устроился на стройном художавом теле. И выглядел тот сарафан довольно просто, продуманно и без излишеств. В таком не стыдно показаться в ресторане, но можно и малину двумя пальчиками с кустов собрать.

«Пейзанка, – улыбнулась себе Алла. – Сюда можно было и соломенную шляпку приспособить».

Содержанка отошла от зеркала, поставила на тумбочку миниатюрный белый клатч на длинном ремешке. С той же ласковой улыбкой прошла в гостиную.

И вначале увидела лишь натюрморт из шампанского и фруктов. «Минимальный джентльменский набор», – усмехнулась мысленно и обернулась на довольно громкое сопение, раздающееся справа и чуть сзади.

И брови её медленно ушли под чёлку.

В дверном проёме смежной комнаты стояла Ивашова с раздутыми и побелевшими от бешенства ноздрями.

– О... моя пергидрольная подружка, – едва слышно и чуть насмешливо пробормотала Аллочка. Через мгновение, удивленно озираясь, добавила более громко: – А у нас здесь, оказывается, суаре...

Нинель терпеть не выносила, когда эта прилизанная тварь начинала бросаться иноземными словами! Ведь знала, что Нинель не питерскую гимназию окончила, а школу-интернат в посёлке за сорок километров от дома! Но – козыряла, стерва. Глаза колола, намекая на необразованность.

Аллочка медленно прошла по комнате, подойдя к высокому, от потолка до пола, окну, оглянулась на раскрасневшуюся бывшую подружку. «Ничто не изменилось, – разглядывая расплывшуюся Нинку Ивашову, подумала Дубова. – Шелка, нейлон, хорошо хоть кофту с люрексом не нацепила».

Почти два десятилетия назад Аллочка пыталась втолковать подруге, что кофты с люрексом и синтетические яркие лосины (под юбкой!) это – моветон. Что густо пудриться, румяниться – не стоит. А тушь не должна лежать комками на ресницах.

«Кое-что в мозгах застряло, но толку всё же мало, – подумала, разглядывая аляповатый «халатик», натянутый поверх – колготок! – или всё-таки чулок... – Да какая разница! Летом. В деревне. Чулки и каблуки! БРЕД...»

Но что поделаешь. Нинель всегда испытывала слабость к скользкой синтетике.

Храня невозмутимое лицо, Дубова спросила:

– А где Константин Павлович?

Ивашова что-то пробурчала. Алле показалось – выругалась. За это стоит наказать, решила дорогая куртизанка.

– А ты что здесь делаешь, Нина?... Сегодня маму замещаешь?

В интернате, где училась Нинка Ивашова, за слова наказывали тумачами. Указание на то, что Нинель здесь может оказаться только в качестве прислуги, взорвал темпераментную путану, как граната, изнутри!!

Растопырив когтистые пальцы, Нинель ринулась на подколенную!

Непонятно, чего ожидала томная содержанка, разбрасываясь подковырками, но того, что её сразу начнут бить, Дубова не предполагала совершенно точно. Вероятно, понадеялась, что где-то поблизости всё-таки находится воспитанный мужчина, который как хозяин не позволит пергидрольной дуре руки распускать! А дура таки ум и выдержку проявит.

Ошиблась Алла не по-детски. За что и нарвалась вполне по-взрослому. Поскольку Нинка моментально налетела разъярённой фурией. Мгновенно намотала на правый кулак лощёную «чёрную змею» (так никого и не укусившую) и совершила несколько попыток достать левым кулаком до лица противницы.

А молотила Нинка с наслаждением, коего не испытывала уже давно. Драться ей, конечно, приходилось, и не раз. И битвы те бывали всякими: правыми и неправыми, за жизнь, за кошелёк, за территорию, за сутенёра. Но чтоб с таким желанием и страстью?... Пожалуй, ещё не было. Впервые в жизни страшилка «я тебе, сука, счас глаза выцарапаю!» выступала вовсе не фигурой речи, а истинным намерением.

Визжа, словно придавленная кошка, Алла согнулась, пытаясь увернуться от поршня-кулака, норовящего попасть ей в глаз, и в визге чётко прорывалось слово «ПОМОГИТЕ!!!».

Не получив подмоги, Дубова припомнила поговорку «Спасение утопающих дело рук самих утопающих» и применила её на практике. Оставаясь в согнутом положении, изобразила из себя таран. Ударила в живот Нинель макушкой!

Спаянные канатно прочными прядями смоляных волос куртизанки пролетели через комнату визжащим клубком из мартовских кошек! Немного побившись о дверные косяки, ввалились в спальню и рухнули на скомканную постель! Нинель спиной, подружка подколотная поверх упала...

И сразу же почувствовала, как на её волосах в районе темени разжимаются крепкие пальцы Нинель. Ослабевает хватка.

И раздаётся тихий выдох:

– Оооох... Тут – что?!.. Тут – КТО?!

Валик из скомканного одеяла, прикрытого толстым двусторонним покрывалом, оказался неожиданно жёстким. Нинель спиной почувствовала, что под ней лежит не одеяло. ЧЕЛОВЕК.

Дико взвизгнув, Ивашова коленками сбросила с себя подколотную, юрко скатилась с кровати!.. Уже сидя на полу, очумело выпучилась на чёткий абрис человеческого тела, что очертало придавленное женщинами покрывало.

Аллочка сползала на пол медленно. Её рука тоже угодила на предположительно бедро того, кто прятался под покрывалом.

Угадывался силуэт мужчины среднего роста, лежащего диагонально на кровати, раскинув руки...

Мужчина совершенно не пошевелился, когда на него упали две дерущиеся тётки.

Кошмар. Жуткая догадка нагоняла бледность на женские лица. Нинель почти позеленела, у Аллы моментально обозначились круги возле глаз и запали губы...

Бывшие товарки переглянулись. Нинель несмело взялась за край покрывала, немного потянула на себя...

Но Алла её опередила. Не позволяя стащить покрывало с человека, она просто откинула его в сторону!

Кошмар воплотился в зрелище. Две худшие подружки заторможенно встали. Распрямились. И некоторое время молча, тяжело дыша, смотрели на тело Константина Павловича, одетого по-уличному: носки, рубашка, брюки. С пробитым виском и распахнутыми в последнем удивлении мелковатыми серыми глазами.

– Закрой его, – попросила Нина.

– Угу, – кивнула подколотная и набросила на мертвеца покрывало.

– А может быть, он жив?! – опомнилась Нинель.

Покрывало вновь откинули, Алла схватила с прикроватной тумбы телефон покойника и, стараясь не дотрагиваться до мертвеца, поднесла к его губам полированную панель айфона...

Туманного пятнышка на гладком пластике не появилось.

Константин Павлович Субботин, богатей и меценат, был беспробудно – МЁРТВ.

Опомнившаяся Нинель наклонилась над покойником, немного содрогаясь, просунула руку между носком и брючиной, добралась до кожи на волосатой лодыжке... И тут же выдернула пальцы наружу!

– Тёплый ещё, – пробормотала Алла.

– Ещё бы нет, – согласилась подколотная. – Он мне полчаса назад эсэмэску скинул. В гости пригласил.

– И тебя тоже? – почти не удивляясь, всё так же глядя на покойника, проговорила Нина.

– Что значит «и тебя тоже»? – Алла первой перестала таращиться на мёртвого. Упёрлась ледяными зелёными глазами в голубые радужки Нинель.

Нина взглядом ответила больше, чем словами:

– Что слышала! Не повторяю!

– Ах, значит, вот так?... – пробормотала брюнетка. И снова отвернулась от почти землячки. – Обоих, значит, на свидание пригласил... – И резко отодвинулась от бывшей товарки. – Но ты была тут первой, Нинка! Я вошла – ты из спальни выходила!

– И чо?! – аж задохнулась от возмущения Нинель. – Ты чо, дурища?! Очумела?!!

– А вот не «чо»! – отпрыгнула от Ивашовой коллега по постельному промыслу. – Ты из спальни выходила! Я сама видела!

Нинка разъярённо подалась всем корпусом вперёд.

– Да что ты видела?! – забрызгала слюной. – Чего ты видела?! Я в эту спальню, – указала на кровать и тело пальцем, – даже не входила!! Хотела войти и постель поправить, да не успела! Ты пришла!

– Ой-ей-ей, – ернически покачала всклокоченной головой товарка. – Какие мы все здесь невинные...

– Какие есть! – созналась Ивашова. – Но чужого вешать на себя не будем!

– Не, не, подруга... – пятась из комнаты, покачивая головой и выставляя вперёд растопыренные пальцы, забормотала Алла. – Я умываю руки, меня здесь не было.

Перешагнуть порог спиной назад содержанка не успела. У боевой и опытной коллеги реакция лучше оказалась. Нинель выбросила пятерню вперёд, схватила Аллу за растрёпанные волосы и резко дёрнула к себе! Почти воткнула лицо в лицо и, ёрзая глазами по бледной физиономии подруги подколотной, зашипела:

– Слушай сюда, шкура. Я сейчас вызываю ментов, ты подтверждаешь, что зашла сюда сразу же после меня. Поняла?! Я спрашиваю – ПОНЯЛА?!

– А откуда мне знать, что я зашла сразу после тебя? – проскулила Алла. – Отпусти! Мне больно...

– А будет ещё больнее, – не отпуская волосы брюнетки, пообещала распаленная блондинка. – Я тебя сейчас космами к батарее привяжу и сидеть заставлю!

Содержанка застонала:

– Господи... какая была, такая и осталась – деревенщина! За «деревенщину» Дубовой маленько прилетело. Не по лицу, всего-то лишь поддых и с левой. Но больше подколотная не обзывалась.

– Хорошо, хорошо! Нина, отпусти! Пожалуйста!

– Вот то-то же, – хрипло произнесла Нинель. Разжала пальцы. – Садись в зале и жди, пока тебя не спросят.

– О, Боже... Какая дичь, какая глупость... – массируя кожу под волосами, поморщилась Алла. – Тебя ж посадят, Нинка...

– С чего это вдруг? – прищурилась товарка, вздымая натруженным дыханием арбузные груди под расхристанным платьем. – Я была здесь три минуты... может быть, четыре до того, как ты заявила. Грохнуть Палыча, перетащить его на постель, прикрыть и ещё...

– Дура! – перебила содержанка. – У тебя сколько приводов было, Нинель?!

– Нууу... – путана всерьёз задумалась, – кажется, четыре или...

– Да какая разница!! – вновь оборвала её брюнетка.

- Ведь главное, он – есть! Был привод, и ты осталась в полицейской базе проституткой!
- И чо? По мне даже статьи в УК РФ нет.

Аллочка прикрыла глаза и, двигая губами, чётко просчитала до десяти. Когда же распахнула веки (Нинель, что удивительно, процессу не мешала), то наткнулась на сосредоточенный взгляд коллеги и сурово выговорила:

- Константина Павловича повесят на тебя, подруга.

– А может, на тебя? – прищурилась Нинель. – Мне вот, например, показалось: когда я к дому подошла, за угол какая-то тощая шкидра в светлой тряпке завернула. Спряталась за домом.

Алла подняла брови:

- И ты так скажешь полицейским?

- А что мне помешает? – пожала пышными плечами этуаль. – Каждый сам за себя.

– В том-то и проблема, – опуская вниз глаза, пробормотала Дубова. Немного постояла напротив чересчур резвой коллеги и, так и не подняв головы, прошла до кресла в гостиной.

Села. Дождалась, пока из спальни выйдет прикрывшая одеялом тело Ивашова. Подняла лицо с внимательно сощуренными глазами.

- Нин, предлагаю. Выпутываться надо вместе.

– С тобой? – стоя перед содержанкой, усмехнулась Нинель. – Да я тебе ложку, чтоб дерьмо хлебать, не дам. Погляжу, как отхлебнуть получится.

- Понимаю, – медленно кивнула Алла. – Имеешь право поглядеть.

- Да я бы тебя даже утопила... В том дерьме.

- И это понимаю. Но давай оставим на время прошлые обиды.

- А не пошла бы ты...

В упор разглядывая удачливую соперницу, противореча, Ивашова тем не менее всё ещё не набрала на телефоне номер вызова полиции. Алла, чуть втянув голову в плечи, скукожившись, снизу вверх посмотрела на подругу детства и повторила:

- Выпутываться надо вместе, Ивашова. Начнём топить друг друга, сядем вместе.

– Ал. Ты и вправду меня тупой коровой считаешь или прикидываешься? – хмыкнула Нинель. – Вместе мы не сядем. У меня клиент был – адвокат, так вот, когда девчонки вляпались, он мне доходчиво растолковал про обоснованное сомнение и презумпцию невиновности. Я среди наших девчонок на такой бодяге собаку съела и не поморщилась. Хороший адвокат при обоснованном сомнении развалит дело – мама не горюй! А я тебя ещё... – Ивашова наклонилась, упёрлась взглядом в зрачки, плавающие в радужках крыжовникового цвета, – я тебя, Алка, ещё и паровозом пушу.

- Не получится, – отшатнулась содержанка.

– А ты попробуй! – весело распрямилась ушлая проститутка. – Ты хоть раз на допросах была? А?! Хоть раз со вшивыми бомжами в «обезьяннике» парилась?! Да тебя, душистая моя, через сутки до самой жопы расколют!

– Не говори ерунды, – строго произнесла Дубова. – Я попрошу проверить мои показания на полиграфе, и всё.

- Ну дак и я его пройду! – с возникшей бесшабашностью кивнула colega.

- Дура. Ты можешь двести раз полиграф проходить, но убийство на тебя повесят!

Нина покривила губы, тихо выругалась, но убрала ухмылку с лица. Как тут ни храбрись и ни прикидывайся, подколотная толкует верно. Лучшего подозреваемого (подразумевается сразу же «обвиняемого»), чем проститутка, наркоман или бывший зэк – не найти. Ментам только дай хоть за что-то зацепиться, бедовая девчонка мигом в камере окажется!

И уже навряд ли выйдет. Откинется только через годы. Дай Бог, по УДО.

Полная самых мрачных предчувствий, Ивашова произнесла:

- Ещё раз дурой назовешь, дубовая моя, я тебе нос сломаю.

Поняла?

– Да поняла. Прости. – Голова брюнетки покорно мотнулась вниз.

– По делу мысли есть?

– Есть. Алиби даём друг другу.

– Алиби? – задумчиво переспросила Нинель. – А что... Мать не видела, как я из дома выходила... Так что у меня вообще всё чисто. Вернусь через двор, сяду на лавку под окном...

– Вместе сядем, – подредактировала Алла. – Меня тоже никто не видел, как я в этот дом заходила. – Дома Субботина и Ивашовых стояли в тупике за поворотом улицы. Алла понимала: если Нина подтвердит, что, свернув в тупиковый переулок, Дубова зашла в их двор, то прочих свидетелей можно не считать.

– А камера у ворот? – напомнила коллега. – Я через двор шла, а ты через парадный вход, под камерой.

– Камера, камера..., – забормотала содержанка. – Если здесь видеодомофон с записью, то можно вынуть из него карту памяти... Или даже «винд» сервера, если информация с камеры поступает и туда...

Дубова стремительно встала, вошла в кабинет и некоторое время возилась там с процессором домашнего компьютера покойника. Вернулась, уже держа в руках нечто, завернутое в писчую бумагу. И сразу же прошла в прихожую. Внимательно рассмотрела коробку домофона и сигнализации.

– Знакомая система! – крикнула оттуда задумчивой Нинель. – Я всё подчищу. Так что... не волнуйся.

– А мне-то чего волноваться? – буркнула коллега. – Это твоя карточка там есть, я под камеру у ворот не попадала.

Будь у Нинель малейший выбор, она бы утопила эту крашеную биксу в дерьме по самую макушку!

Ещё бы и плитку бетонную на маковку пристроила.

Но выбора не оставалось. Дубова права на сто один процент. Ивашова пришла сюда первой. Стояла в дверях спальни. Имеет п р о ш л о е.

Посадят – не чихнут! А шёлковая тварь ещё притопит и отмоется.

Чтоб ей сдохнуть в страшных корчах!

Последняя мысль, пожалуй, слишком явно отразилась на лице Нинель. Вернувшаяся в комнату товарка тягуче-пристально поглядела на коллегу. Но высказывать ничего не стала. Села в кресло напротив устроившейся на диване Ивашовой, приняла позу примерной школьницы и бархатисто промурлыкала:

– Вместе мы выпутаемся, Ниночка.

– Ну-ну, конечно, – ухмыльнулась «Ниночка». – Долго думала? Насчёт того, что «вместе»?

– Все последние годы, – с ласковостью набрехала содержанка. – Посоветуй, Ниночка: если я пройду здесь с пылесосом и выданные волосы соберу, твоя мама не услышит?

Нинель мазнула взглядом по часам на каминной полке.

– Нет, ещё минут десять не услышит. Смотрит сериал, да и глуховата стала.

– Отлично, – выпорхнула из кресла обретшая неиссякаемую деятельность содержанка (когда-то горничных имевшая). – Я быстренько. Где пылесос? Где тряпки, чтобы отпечатки потереть?

У Нины появилось ощущение, что её качественно одурачили.

***

В дом, где глуховатая Зинаида Яковлевна досматривала сериал, бывшие подруги и новоявленные, пусть и невольные, союзницы вернулись до появления на экране титров. Успели даже чуточку расслабиться, принимая за кухонным столом свободные позы, когда на кухню вошла мама Нинель.

– О, девчонки..., – сощурия глаза, уставшие от внимательного телевизионного просмотра, удивлённо протянула.

– Алка... привет. А вы чего чайку не пьёте?

– Заговорились, тетя Зина! Здравьте! – радостно подскочила содержанка, имевшая, судя по всему, титановые нервы. Аллочка обняла мать подруги детства, прижалась, в щёку чмокнула. – Соскучилась по вам! Сил нет!

– Ну так чего же раньше-то не заходила?

– Да всё дела, дела, заботы...

– Ну, слава Богу, что сподобилась.

Наблюдая, как шёлковая сволочь обхаживает мать, Нинель чуть пеной не изошла!

Талантливо, зараза, представлялась. А мама – верила.

– А что, девчонки, может быть, наливочки? С в о е й, на смородиновом листе и апельсиновой корочке. Помнишь ещё, Алка, как Мишку Звонарёва в армию провожали, а? – Зинаида Яковлевна лукаво подмигнула. – Упились тогда моей наливочкой, как лимонадом. Ноги молодые не ходили!

– Уж да, уж да... – смеялась раскрасневшаяся сволочь. – Ваша наливка, тётя Зина, коварная штукенция, убойная!

Мама Зина немного посерьёзнела, уселась на табурет возле опытной двурушницы и глазами сделалась – сердешная-сердешная.

– А зря ты, Алка, Мишку отпихнула. Ох зря, ох зря из армии не дождалась... – покачивала головой. – Он же парень насквозь серьёзный, ежели б Палыч деревню под свою руку не взял, мы бы сейчас все под Звонарём ходили... Он тут самый главный баламут был. В смысле денег и достатка.

– Да слышала я, – невразумительно повела плечом брюнетка. – Видела, какой он важный стал. Хозяин мира.

– Вот-вот, – согласно закивала Зинаида Яковлевна. – Дом – полная чаша, деток уже двое...

Слушая, как ласковая шкидра обрабатывает маму, Нинель достала из навесного шкафчика винтовую бутылку с наливкой и только две внушительные рюмки – знала, что мама Зина пить откажется. Домашней заготовки в рюмки налила до краев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.